

Вместо заключения

Многовековая история восточной экспансии России – а с учетом географических особенностей именно она являлась основным направлением формирования нашего государства, – со времен Ермака была абсолютно естественной формой социально-исторического движения, направленного на поиск дополнительного жизненного пространства, новых земель и первоочередных жизненных ресурсов. Акматический идеал первых землепроходцев, сочетавший аграрно-промысловую колонизацию с поиском рая земного, на фоне примитивной организации современного им реального бытия обеспечивал исключительно высокий потенциал для совершения работы по покорению и освоению колоссальных территорий, а также беспримерную удачливость в противостоянии с жесткой и недружелюбной средой. Проекция идеалов “Царства Божия” на завоеванный мир позволила создавать в нем зачатки относительно гармоничного обустройства, до самой середины XIX века делавшего “дух жизни” в Сибири непохожим на остальную Россию.

С XVIII века акматическое целеполагание ведущих консорций России утрачивает наивную гармоничность и обретает черты, столь хорошо знакомые нам под определением “имперскости”. Имперский идеал давал энергию для завоевания Причерноморья, Кавказа, продвижения в Финляндию и Польшу, для бездумной растраты сил в европейских “коалиционных” войнах. Увы, во многом результаты этих усилий не стоили понесенных жертв и, за исключением дипломатических выгод и чувства величия, практически не создавали предпосылок для решения основных проблем метрополии: наделения крестьян достаточным количеством земель и обеспечения развития национального предпринимательства. Когда же перспектива решения этих ключевых для будущего России проблем забрезжила на Востоке, именно туда без колебаний был переложен курс территориального расширения государства. Еще вчера чужая и незнакомая Маньчжурия, располагающая миллионом квадратных километров плодородных черноземов и вожделенным выходом к теплым морям, с прокладкой Транссиба и КВЖД стремительно превращалась в привычную и почти родную Желтороссию, на ее диких ландшафтах возникали знакомые дачные пригороды и русские палисадники с вишнями и зарослями сирени. Казалось, пройдет еще совсем

немного времени – и под омофором имперского идеала военно-политической экспансии Дальний Восток станет ведущим центром торгово-промышленного развития России, сила которого будет зиждиться на доминировании национального капитала и справедливом землеустройстве.

Тем не менее этого не произошло. С одной стороны, для закрепления в Маньчжурии элементарно не хватило времени: понимая необратимость назревающих перемен, Англия и Япония, упредив замену демонстрационных русских сил на подобающую для защиты собственной территории фундаментальную военную организацию, в ходе войны 1904–1905 гг. сумели добиться ухода России из этой части света. Сохранение за Россией права на ограниченное число хозяйственных проектов, прежде всего КВЖД, формально восстанавливало статус России в Китае в паритете с другими державами, не решавшимися идти дальше “экономического проникновения”. Однако если учитывать, что с 1900 по 1903 гг. наша страна провела огромную работу по политической интеграции Маньчжурии, то уровень ее потерь в результате войны с Японией следует признать неизмеримо более высоким.

К сожалению, на стороне наших тогдашних противников был не только фактор времени. Акматический идеал экспансии, являвшийся естественным и органичным в период своего становления, в разгар “индустриального века” уже не обеспечивал, как раньше, длительного сверхнапряжения человеческих сил и воли в борьбе не только за само жизненное пространство – даже за “знаки” обладания им. Призванные из малоземельных деревень, солдаты на полях Маньчжурии не могли взять в толк, за что они воюют: за русскую ли землю или просто “за честь”. На более высоких уровнях общественной иерархии кризис акматического идеала приводил, напротив, к переизбытку деятельностной энергии, который становился причиной самоубийственных решений и поступков – увы, не сколько приносивших победу, сколько отдалявших ее. Трагическая оторванность военно-политического целеполагания от приземленных задач обустройства, которые единственные были способны утилизировать эту избыточную роковую энергию, стремительно разрушала органичность всей деятельностной сферы. История войны с Японией свидетельствует о беспрецедентной неудачливости практически всех инициатив и предприятий русской стороны. По какой-то причине именно здесь фортуна отвернулась от когда-то обласканных ею “чудо-богатырей”, хотя отваги и мужества последним было не занимать. Но если помнить, что удача, скорее

всего, – лишь своеобразный приз, или знак, посылаемый людям в подтверждение того, что их действия и поступки обладают хотя бы относительным соответствием с Божьим замыслом о мире, или, если угодно, комплементарны движениям ноосферы, – то станет понятным, насколько неорганичными, непоследовательными, внутренне конфликтными и противоречивыми должны были быть наши действия в Маньчжурии, чтобы обычно делимая поровну с неприятелем военная удача из желательной случайности превратилась бы в закономерную невозможность. Нет-нет да и придет на ум шовинистическая мысль: объяви в 1904 году российский император “ничейный” северо-восточный Китай законной русской территорией – в борьбе за ее защиту вооруженные силы, при мощной поддержке общества, смогли бы, избежав в равной степени самоубийственных тактического риска и стратегической пассивности, вырваться из полосы перманентных неудач. Ради подобной глобальной задачи можно и нужно было забыть про тонкости “европейского баланса”, открыто блокируясь со всеми, кто мог бы оказать нам на Дальнем Востоке реальную и эффективную помощь – прежде всего с Германией. Однако воспользоваться плодами гипотетических маньчжурских побед надлежало немедленно, через интенсивное экономическое развитие и аграрную колонизацию края обеспечив трансформацию акматического идеала экспансии к осознанному и глубокому обустройству. Причем данное обустройство, помимо собственно присоединенной территории, должно было касаться и производительных сил метрополии, обеспечивая становление и развитие в ней значительных по экономической мощи и политическому влиянию общественных групп, деятельность и благосостояние которых были бы связаны с новыми землями.

В этом случае вместо потрясшей основы национального государственного устройства революции 1905–1907 гг., явившейся вполне предсказуемой реакцией на крах многовековой модели развития, Россия бы получила дополнительно несколько бесценных лет спокойной и гармоничной жизни. Показатели знаменитого 1913 года были бы достигнуты куда раньше, а отсутствие необходимости – в условиях сосредоточенности на задачах внутреннего обустройства в стране, обладающей теперь уже *ВСЕМ*, включая доступ к незамерзающим морским портам, вновь вовлекаться в интриги европейской политики, – скорее всего, уберегли бы нашу страну от вступления в мировую войну, в 1917 году закончившуюся для нее тотальной катастрофой.

Часто звучавшие в 1920-е годы голоса о “гибели России” в хаосе революции все-таки были преувеличением. Проницательная З.Гиппиус, выражая чувства тех, кто видел самоценность своей Родины в нереализованном идеале гармоничного процветания, имела основания уже в 1918 году написать: “Она не погибнет – знайте!// Она не погибнет, Россия.// Они всколосятся – верьте!// Поля ее золотые...” Старая Россия действительно исчезла, на ее пространстве возникло принципиально иное, однако опирающееся на прежний фундамент государство. Ценой миллионов жертв мировой и гражданской войн вкупе с последующей десоциализацией целых классов и страт, была создана достаточно устойчивая этносоциальная общность – советский народ. До самых последних лет существования СССР самоидентификация советских людей практически исключала этнические различия, что позволяет признать советский народ первым в человеческой истории примером полноценного суперэтноса на базе общности исключительно социально-политической судьбы. С первых же лет своего существования Советский Союз взял на вооружение своеобразный гибрид старого “имперского” акматического идеала и буквально “витавшего в воздухе” идеала обустройства, получившего в середине 1930-х годов концептуальное оформление в теории “строительства социализма в отдельно взятой стране”. Оба идеала в равной степени были знакомы населению и принимались им, что сразу же предопределило исключительную прочность социально-политических конструкций нового государства. Но если старая Россия в 1913 году уже могла, с оговорками, позволять себе “просто жить”, то в России советской предстояло строить “новую жизнь” с нуля (большая часть промышленности и инфраструктуры находились в разрушенном состоянии), постоянно думая о внешней и внутренней безопасности. Так, неожиданно для всех, советский народ оказался практически в начальной стадии социогенеза: его первоочередной задачей являлось обеспечение базовой безопасности жизненного пространства, затем – обеспечение минимального (простого) воспроизводства, и лишь далее, после возможной фазы экспансии, – решение задач обустройства с перспективой равновесной жизни в обустроенной среде.

“Советский эксперимент” принято больше критиковать, чем объективно оценивать, и одна из причин тому – фундаментальное непонимание его исторической уникальности и отсутствие аналогов для корректных сопоставлений. Социогенез советского общества является наглядным тому примером. То, что в других обществах

растягивалось от 300 до 700 лет, в СССР уместилось в исключительно короткий 70-летний временной интервал. По этой причине для многих остаются непонятными ни поразительный народный энтузиазм 1930-х, ни удивившая мир – после волн раскулачивания и репрессий – внутренняя устойчивость советского строя в наиболее тяжелые годы Великой Отечественной войны, ни научно-технические достижения 1950-1960-х годов вкупе с бесспорно лучшим в те годы отечественным образованием. Не стоит искать причины массового энтузиазма в “оболванивании населения”, стойкости в войне – в “деятельности заградотрядов” или научно-технических достижений – в “кражах американских технологических секретов”. Все значительно проще: советский народ, вооруженный пусть и искусственным, но в то же время точно и гармонично отражавшим его состояние и задачи акматическим идеалом, пребывавшим в противофазе с небогатым и тревожным реальным бытием, *смог за исторически ничтожный срок выработать и реализовать колоссальную творческую энергию*. Ничего подобного в мировой истории, во всяком случае на ее обозримой ретроспективе, до этого не случалось.

Искусственность советского акматического идеала, безотказно прослужившего не более чем трем поколениям, определялась тем, что он был составлен из разнородных и, как впоследствии оказалось, внутренне противоречивых элементов. Из наследия “старой России” были взяты поиск гармоничных начал мироздания (аналог поиска Царства Божьего на земле) и нереализованного стремления к обустройству, дополненные хорошо знакомым нам артефактными мотивациями к экспансии и имперскому доминированию. Привнесенными же новой эпохой оказались конкретика терминального состояния общественной системы (построение коммунистического общества уже к концу XX века) и поддерживаемая марксистскими догмами абсолютная, религиозного свойства, не критичность по отношению к целям и способам их достижения. Не будем переоценивать гениальности партийных теоретиков: они не создали принципиально нового пространства идей, зато, интуитивно чувствуя слабые стороны наследуемых элементов, сумели, не расплескав, “вливать молодое вино в старые меха”.

Но природу нельзя обмануть. Как мы знаем, естественный цикл социогенеза задается формированием высшей акматической области общества, в которой не должно быть места привнесенным элементам, способным, в случае своей девальвации, взорвать

общественный организм изнутри. Советское общество погибло от той же болезни, что и старая Россия: педалирование экспансионистских начал при забвении обустройства в 1970-1980-е годы привело к стремительной утрате их смысла и, как следствие, к формированию усиливающегося антагонизма между обществом и его правящими институтами. Заметим, что в последние годы существования СССР не находящий оправданного приложения избыток социальной энергии в сфере высших эшелонов власти трансформировался, подобно эпохе маньчжурской экспансии и русско-японской войны, в истинно самоубийственные решения, наиболее резонансными из которых стал ввод войск в Афганистан и попытки паритетного ответа на навязанную США фальшивую гонку космических наступательных вооружений. Абсолютно то же самое происходило и на более массовом “народном” уровне: не утилизируемый избыток социальной энергии выплескивался либо в диссидентство, либо в национализм. Оба эти течения отрицали ценность системной общности своего носителя – советского народа, – то есть с надындивидуальных позиций являлись такими же актами самоубийства внуков и правнуков героев первых пятилеток и войны.

Можно лишь удивляться тому, что в “эпоху реформ”, особенно в чумовые 1990–1991 и в 1993–1995 годы, наша страна смогла сохранить не только большую часть своей территории, но и продолжающее скреплять ее “разноликие народы” осознание общности истории и судьбы. Ведь кризис акматического идеала на сей раз оказался куда более масштабным и всеохватывающим, нежели в 1917 году. Ведь тогда, по меньшей мере, и у “белых”, и у “красных” была непоколебимая уверенность в том или ином варианте будущего, на фоне которого текущая смута могла считаться трагической ошибкой, преодолев которую страна сумела бы вернуться на избранный путь... Наше поколение, увы, лишено подобной иллюзии. Сегодня почти уже никто не питает надежд по поводу возможностей России достойно интегрироваться в мировую экономику или же стать страной, в которой – даже при наличии всего мирового богатства выбора – хотелось бы оставаться и продолжать жить. И “демократ” А.Кох, и “патриот” А.Паршев в своих известных декларациях одинаково правы, говоря о бесперспективности и неконкурентоспособности России в сложившейся системе мирового устройства. Тем не менее, в силу неведомых нам закономерностей, или же просто Господней волей, наша страна сохраняется то ли для выполнения некой предстоящей миссии, либо, возможно, для последней попытки, скорректировав

собственное сознание и освободившись от вековых комплексов, наконец-то обустроить когда-то обретенную нами великую территорию.

Правда, сделать это сегодня гораздо труднее, чем 100 или даже 350 лет тому назад. Если в прежние времена было возможно, следуя естественному ходу вещей, преобразовывать окружающий мир, подчиняя его собственным идеалам, то сегодня – хотим мы того или нет – мы вынуждены следовать так называемой “европейской модели”. Не стану скрывать: лично мне эта модель импонирует, она куда ближе альтернативных моделей, предлагаемых, например, исламским миром или современным Китаем. Но проблема состоит в том, что именно эта модель в силу своей высокой (но отнюдь не абсолютной) разумности на протяжении всех последних столетий являлась для России практически единственным ориентиром. При этом, не имея возможностей реализовать ее в полном объеме, мы перманентно ощущали себя в ситуации “недообустройства”, в результате чего, вместо вполне законной гордости и национального честолюбия, усиленно культивировали в себе комплекс неполноценности перед западным миром. Состоявшееся в конце XIX века перенесение общественного внимания и вектора внешней политики с Европы на Восток, подготовленное вполне успешными и достойными началами нашего обустройства в сибирской “новой Америке”, имело все шансы вернуть Россию на путь самостоятельного, самодостаточного развития. Однако, не выдержав надлома в жестокой схватке с Японией, мы предпочли отступить на прежние позиции, продолжив бесперспективную гонку за фантомным “европейским идеалом”.

Таким образом, если что и бесспорно из накопленного опыта, то уж точно то, что России абсолютно противопоказано перенимать для воплощения у себя чужие модели обустройства, стандарты жизненной среды и модальности общественного поведения. Высокая успешность первого периода советской истории связана, во многом, именно с самостоятельным характером “построения нового мира”, ставшим принципиальной установкой большевистской элиты. Кстати, последнее обстоятельство объясняет столь болезненную реакцию Сталина на, казалось бы, более чем лояльный его идеологической линии троцкизм: будучи в своей основе *наднациональной* коммунистической идеологией, последний волей-неволей транслировал на $\frac{1}{6}$ суши пусть и “классово близкие”, но системно чужие идеи и модели. Бывший семинарист хорошо знал, сколь традиционно уязвимо сознание его паствы на любые

идеи, обещающие порядок и обустройство вне авгиевых конюшен собственного нестроения.

Крах усилий старой России найти свое место в мире, неудача советской модели, врожденная несостоятельность предложенного в начале 1990-х либерального пути развития, бесконечные и бесплодные споры сегодняшнего дня о “необходимости выработки национальной идеи”³⁹² – не слишком ли много сделано безрезультатных попыток обрести себя, чтобы наконец остановиться на чем-то проверенном и надежном? Казалось бы, примеров для копирования в современном мире предостаточно. Проблема заключается лишь в том, что всякая импортируемая модель в стране с тысячелетней историей, народ которой к тому же в глубинах своего архетипа сохраняет то ли память о еще нескольких тысячелетиях славного прошлого, то ли веру в неведомые небесные идеалы, – изначально обречена на отторжение. Высшая область акматической сферы слишком тонко чувствует фальшь.

Какой бы ни оказалась продуктивная идеология обустройства новой России, или национальная идея, дай Бог нам ее обрести, – она должна соответствовать, как минимум, двум требованиям: быть выработанной внутри страны и практически безальтернативно признаваться ее элитой. Причем элитой не в смысле случайным образом сформировавшейся консорции, делящей текущую политическую и экономическую власть, а устойчивой общностью правящего слоя, способного на деле подтвердить собственную самооценку и незаменимость. Добиться этого в долгосрочном плане можно лишь одним путем – подвижничеством и жертвенностью. И в дореволюционной русской элите, и в элите большевистской России подобные качества были развиты более чем в достаточной степени. Готовность с легкостью отдать свою жизнь во имя империи или “мировой революции” являлась реальным водоразделом между ведущими и ведомыми. Даже несмотря на то, что значительная часть элиты, сполна вкусив комфорта и благ, имела склонность забывать о своем природном предназначении, в ее составе всегда находились те, кто собственной кровью в частых, но столь необходимых для этого войнах, подтверждал право своего класса на незаменимость.

³⁹² Сюда же можно приплюсовать относящуюся к 2000 году дискуссию о том, что же считать истинным символом России, необсуждаемым предметом ее гордости и самоидентификации: автомат Калашникова или березку? Проявившийся в рамках этой дискуссии разительный контраст мнений по поводу того, в чем другие народы демонстрируют редкостное единение, лишней раз свидетельствует о глубоком нездоровье сферы нашего акматического целеполагания.

К сожалению, проблема элиты современной России состоит не сколько в качестве и личных достоинствах правящего слоя (в конце концов, их носителей можно образовать и воспитать), сколько в тотальной утрате принципа незаменимости и связанных с ним мотиваций ответственности и долга. Ротация нескольких поколений “кухарок, управляющих государством” вкупе с несказанно легким инкорпорированием в элиту страны проходимцев на сегодняшний день практически лишили страну правящего класса, способного к социальному творчеству. С уходом из жизни в середине 1950-х годов элитного слоя, представленного революционным поколением, всякая работа по развитию акматической сферы прекратилась, сменившись сначала пресной и безликой “борьбой за мир”, а ближе к нашим дням – тривиальным гедонизмом. Но, несмотря на обладание немислимым даже по западным меркам объемом благ и богатства, современная российская верхушка вместо хотя бы номинального своего посвящения интересам страны продолжает ощущать себя в ней чужим и неорганичным включением. Деньги и дети элиты вывозятся на Запад вовсе не из-за опасения классовой неприязни. Все значительно проще: в отсутствие жертвенности элитарный статус не обретает подтверждения, а занятое в социальной иерархии место не может считаться законным. Не потому ли столь популярной становится у “новых русских” эмиграция в Великобританию – страну, где им предстоит занять куда более скромное, однако абсолютно гарантированное многовековой традицией место в устоявшейся общественной структуре?

В силу перечисленных обстоятельств не стоит в очередной раз спешить с “выработкой” национальной идеологии и связанного с ним акматического целеполагания. Возможно, мы вполне обладаем ими, только на протяжении столетий за великими ожиданиями не научились распознавать в подспудном стремлении к покою и гармонии первичную сущность своих грандиозных свершений и идей. Тем более что в стране, единственной на планете располагающей всем необходимым потенциалом для полноценного бытия, построение обустроенной, красивой и гармоничной жизни на неантагонистической для остального мира основе – более чем реально и технологически осуществимо.

На этом вселяющем минимальную надежду утверждении я хотел бы завершить свой исторический экскурс, вынужденно оказавшийся столь разноплановым. История, назначение которой, как известно, состоит в предсказании будущего по “знакам прошлого”, дает нам

определенное понимание причин ухода России с дальневосточных позиций в 1904–1905 гг., сделавшегося прелюдией многих уступок и потерь последующих лет. Мы видели, что русская армия и флот в борьбе с более чем достойным противником дрались храбро и самоотреченно, и причины отступления следует искать не в штабах, а в обществе, неожиданно потерявшем веру в свои силы. Нечто схожее происходит и сейчас, к счастью, не на фоне столь масштабных и кровавых баталий. Тем не менее последствия нынешнего упадка национального самосознания могут оказаться куда серьезней.

Надеюсь, что читатель сумел убедиться и в том, что для России жизненно необходимо как можно скорее дистанцироваться от необеспеченных эманаций имперского сознания, в то же самое время сохраняя его основу. Врожденный имперский характер нашего государства – это не столько часть идеологии, сколько изначальный способ существования России. Надо лишь всегда оставаться честными по отношению к себе и не пытаться скрывать естественные и объективные интересы своей страны за расплывчатыми военно-дипломатическими формулировками, как это произошло в Маньчжурии столетие назад. Защита и обустройство доставшейся нам огромной территории, располагающей абсолютно всем для обеспеченной и насыщенной творческим поиском жизни, в своем фокусе требует лишь одного: быть сосредоточенными, самостоятельными и самодостаточными в принятии решений.

А также, желательно, доводить каждое начатое дело до конца.